

DOI: 10.15372/HSS20160218
УДК 351.746.1(091).475.4"193"

А.Г. ТЕПЛЯКОВ

**НОНКОНФОРМИЗМ СРЕДИ КОНФОРМИСТОВ:
МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ 1920–1930-х гг.**

Тепляков Алексей Георгиевич,
канд. ист. наук, доцент,
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
630099 Новосибирск, ул. Каменская 56,
e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

Изучение идентичности советского человека демонстрирует, что многие как известные, так и рядовые личности только притворялись идейными коммунистами. Статья призвана показать, что даже активные и профессиональные пропагандисты советских порядков постоянно критиковали догмы большевизма. Данное исследование демонстрирует, в каких формах в 1920–1930-х гг. проявлялось их инакомыслие. В основном среди них преобладали конформисты, часть пропагандистов верили в коммунизм и критиковали советские порядки с целью их улучшения, другие защищали свои личные интересы и вели двойную жизнь, третьи могли резко отрицать сами основы большевизма. Таким образом, в идеологической сфере СССР коммунистические догмы принимались зачастую формально при не всегда скрываемом их отторжении.

Ключевые слова: конформизм, идеология, журналисты, сталинизм, двоемыслие, сопротивление.

A.G. TEPLYAKOV

**CONFORMISM AMONG NONCONFORMISTS:
BEHAVIOR PATTERNS IN SOVIET JOURNALISM OF THE 1920s–1930s**

Alexei G. Teplyakov,
Candidate of History Sciences, Associate Professor,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
56, Kamenskaya str., Novosibirsk, 630099, Russia,
e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

Contemporary studies on the Soviet man identity shows that there were ambiguities in the ways of its development. Many Soviet people (regardless of whether or not they were famous) were forced to pretend to be ideological Communists, to lead a double life, fabricate a fake biography. Many active “builders of communism” with party tickets unenthusiastically received and obeyed the orders from the Bolshevik power. Among the well-known members of the Soviet press there were many people of that sort. The paper aims to show that even the most active propagandists of the Soviet system often were hypocritical. Many professional and well-educated Communist media employees were secretly critical of the dogmas of propaganda. They considered them primitive and criticized them, while some Bolshevik journalists renounced their Communist views. The article shows how dissent manifested itself among the prominent representatives of “ideological front”, for the most part in Moscow. People’s commissars L. Krasin and G. Chicherin were known for their great skepticism regarding the world revolution. In communicating with each other many famous Communists invented epigrams and jokes about the Soviet regime. Many provincial journalists also showed dissent. In the years of the Great Terror, even the most loyal servants of the regime were willing to criticize the policy of repressions. Thus, the journalistic elite was dominated not by the ideological fanatics, but by conformists, who agreed to accept the Bolshevik policy. Their articles and books written in dogmatic spirit often contained hidden criticism or irony. Some journalists believed in communism and criticized the Soviet regime in order to improve it. Other propagandists defended their personal interests and therefore agreed to lead a double life. Some propagandists associated with the anti-Stalinist opposition sharply criticized the foundations of Bolshevism. Thus, in the Soviet Union the ideological sphere was sometimes marked by rejection of the tenets of communism which was not always concealed.

Key words: conformism, ideology, journalists, Stalinism, resistance

Проблема идентичности советского человека интенсивно изучается современными исследователями, показывающими неоднозначные пути формирования

этой идентичности. Отмечается, что многие как известные так и рядовые личности вынуждены были притворяться, вести двойную жизнь, фабриковать

поддельные биографии и пр. [1, с. 14]. Среди работников партийно-советской прессы также много было перевоспитавших себя в нужном духе лиц. Укрепление советского режима превратило в сторонников коммунизма таких антибольшевистских публицистов периода Гражданской войны, как М. Горький, Д. Заславский, Вс. Иванов, М. Кольцов, В. Нарбут, А. Толстой, И. Эренбург. Большевизм агрессивно требовал предельного конформизма, жестко искореняя инакомыслие. О критическом отношении к большевистской действительности со стороны принявшей режим интеллигенции известно немало.

Нам представляется важным подчеркнуть, что среди ведущих профессионалов партийной печати, высокообразованных, нередко знавших не понаслышке о зарубежных реалиях, можно обнаружить примеры весьма критичного отношения к догмам пропаганды и недовольства их примитивностью, вплоть до тайного или замаскированного отторжения. Наша цель – показать, каким образом проявлялось инакомыслие среди референтной группы заметных, преимущественно столичных работников идеологического фронта, а также то, как власти реагировали на вскрывавшиеся факты их нелояльности, как менялись от 1920-х к 1930-м гг. правила игры на идеологическом поле.

В течение 1920-х гг. имелись широкие возможности для высказывания различных мнений и конструирования политических биографий, из которых удалялись компрометирующие факты. При анализе новых биографических материалов выясняется, что многие активные «строители коммунизма» с партийным билетом без всякого энтузиазма приняли условия победителей и просто подчинились им. Известный поэт, издатель и публицист В.И. Нарбут, в середине 1920-х гг. являвшийся заместителем заведующего отделом печати при ЦК ВКП(б), курируя непериодическую печать и художественную литературу, в своей официальной биографии всегда описывал драматический эпизод нападения 2 января 1918 г. на свой дом в с. Хохловка Глуховского уезда Черниговской области как покушение белых. Поскольку тогда Нарбут потерял младшего брата, был ранен четырьмя ружейными пулями, из-за чего ему ампутировали кисть левой руки, эта история делала его героем Гражданской войны. Однако на допросе у денкинцев осенью 1919 г. Нарбут собственноручно написал, что нападение произошло со стороны красных, вынужден был бежать в Воронеж не от кого-нибудь, а от местных большевиков, «которые не раз приходили к больнице и узнавали, жив ли я». Став журналистом советских воронежских «Известий», поэт «не раз... писал, вынужден был писать разные гадости о гетмане и противниках советской власти», хотя «всей душой, всем своим существованием ненавидел большевиков»¹. Обнаружение протокола этого допроса в 1928 г. привело к исключению Нарбута из ВКП(б) и полному краху всей его карьеры [2, с. 41–98]. Правда, предло-

жение главы ЦКК-РКИ Ем. Ярославского широко разгласить в печати о факте такого морального падения Нарбута реализовано не было².

Многие партийцы, начиная с нэпа, понимали, что ни коммунизма, ни мировой революции не ожидается, но в предложенных обстоятельствах покорно одобряли генеральную линию и укрепляли власть правящей партии. Уже в августе 1921 г. историк С.Б. Веселовский фиксировал в дневнике: «Большевизм в полном разложении. <...> Везде встречаешь... ренегатов или просто плутов, которые с присущим вообще большевикам цинизмом открыто смеются сами над собой и над всей большевистской затеей...» [3, с. 113]. Жена наркома внешней торговли Л.Б. Красина писала, что после 1922 г. он не верил в эффективность воплощения крайней социалистической доктрины в таком политически отсталом обществе, как Россия [4, р. 207]. Скептиком в отношении перспектив мировой революции и критиком политики Коминтерна до конца своей карьеры оставался и нарком иностранных дел Г.В. Чичерин [5, с. 99–116].

Сохранявшие убеждения коммунисты старались разоблачать «примазывающихся» и публично негодовали в связи с обилием идеологических приспособленцев, особенно в партийной печати. Известный публицист А.К. Воронский, в середине 1920-х гг. своими заявлениями в инстанции активно разоблачавший Нарбута как бывшего сотрудника реакционных и бульварных изданий, порнографа и вообще «некоммунистического элемента», писал: «Ходят такие выжиги в звании критиков, рецензентов, ходят они и в звании художника. Такой “художник” клянется и в стихах, и в прозе священным именем коммунизма, хотя всем известно, что от коммунизма его только тошнит. Тиснув статейку, рассказик, стишок, он в минуты откровенности, промежду своих, сознается:

– Приняли и пропечатали, отпустил им полфунта Кремля – прошло.

Многие наивные люди принимают “полфунта Кремля” за “идеологическую выдержанность”... Юркий человек уже давным-давно получил соответственный гонорарик полистно и построчно, воспел героический октябрь, пропечатался в нескольких изданиях, заказал приятелю хвалебную рецензию, получил новый “социальный заказ”...» [6, с. 156–160].

Возможно, праведный гнев Воронского на изготовителей «полфунта Кремля» был адресован, в первую очередь, такому известному коллеге, как А.Г. Меньшой-Гай, дело которого в 1926 г. прогремело в партийных и журналистских кругах. На примере этого авторитетного публициста власть продемонстрировала и свою идейную принципиальность в отношении продажного коммуниста-литератора, и твердость в намерении требовать родства между словом и делом. Приблизженный к партийным кругам писатель В. Серж вспоминал: «Дело Меньшого нас взволновало больше, потому что Меньшой был публицистом. Внешне – америка-

¹ ГА РФ. Ф. Р-374. Оп. 27. Д. 1426. Л. 106–108.

² Там же. Л. 105.

но-еврейский бизнесмен... всегда все знающий, занятый (разумеется!) лишь важными делами... Исключен, арестован, отправлен на Соловецкие острова – и вот о нем говорят с гневом, смешанным с брезгливостью. <...> Он отдал в едва терпимый литературный журнал («Новая Россия». – А.Т.) подписанные псевдонимами статьи, противоречащие линии партии. У него нашли заметки, составленные в омерзительных выражениях. Мне цитируют отрывки вроде следующего: «Получил восемьсот рублей за херовинку, которую я состряпал про Ленина. Взял двух бл[...]й, и мы знатно нажрались» [7, с. 241].

Незаслуженно ныне забытый Гай (Левин) Адольф Григорьевич (он же Левман Лев Самойлович) (1893–1938) родился в местечке Ивенец Минского уезда в семье еврея-приказчика. О себе Гай писал, что с 13 лет был атеистом, а членом большевистской партии являлся с октября 1918 г. Эмигрировав в США, он с марта 1913 по 1918 г. состоял в Соцпартии США, был членом ее городских комитетов в Бостоне, Филадельфии и Нью-Йорке. Шесть лет он проучился на журнально-газетном отделении университета в Нью-Йорке, курса не закончил и скромно писал в анкете про среднее образование. Свой профессиональный журналистский стаж Гай считал с 1911 г. С февраля 1917 по июнь 1918 г. он редактировал газету «Новый мир» (Нью-Йорк). Говорил на немецком, английском, датском и норвежском языках. С октября 1918 по апрель 1919 г. – заведующий редакцией в «Правде». С образованием Коминтерна Гай получил в этом центре мировой революции ответственную работу: с апреля 1919 г. по февраль 1920 г. являлся членом Исполкома Коминтерна и заведующим печати ИККИ. С февраля 1920 г. – секретарь консульства и консул в Ревеле и Христианиа (Норвегии). С февраля 1922 г. – консул, сотрудник полпредства СССР в Норвегии. В марте 1923 г. Гай заболел «острым нервным расстройством» и до октября 1923 г. лечился в Берлине. Затем был переведен в резерв назначения НКВД и, посвятив себя журналистике на родине, периодически выполнял важные дипломатические поручения. В анкете члена РКП(б) Гай сообщал, что его лично знают Ленин, Зиновьев, Бухарин, Радек, Троцкий³.

Бывший грозой для попутчиков, автор установочных идеологических брошюр [8, с. 14], позднее рассказывавший сокамернику, что писал газетные статьи за М.И. Калинина, А. Меньшой-Гай в годы Гражданской войны громил и заокеанских империалистов, и скандальных футуристов с имажинистами. В феврале 1919 г. он писал об имажинистах: «Кому нужны эти непростительно молодые крикуны, прежде *служившие* врагам нашим, а теперь *служащие* нам» [9, с. 227]. Окрик Меньшого-Гая в «Правде» так подействовал на поэта Р. Ивнева, что тот поспешил отмежеваться от имажинистов. Но резкий публицист сильно изменился с введением нэпа, став по сути сменовеховцем. В новую эпоху он печатался в различных журналах

(«Огонек», «Петроград», «Прожектор»), писал талантливо и независимо, радовался быстрому восстановлению страны. Гай демонстративно называл Петроград Петербургом, восхищался его культурностью и «аристократизмом духа», выступал против переименования традиционных названий улиц и площадей бывшей столицы в честь революционеров.

Отлично зная зарубежную жизнь, вряд ли коминтерновец Меньшой-Гай имел после 1920 г. какие-то иллюзии относительно мировой революции. Да и, судя по тесному сотрудничеству со сменовеховцами, относительно внутренней политики также испытывал большие сомнения. Меньшой-Гай желал писать о том, что его интересовало, и при этом материально преуспевать. Пренебрегая ограничениями партмаксимума, он старался зарабатывать везде. За публикацию в журнале «Новая Россия» статьи о проявлениях фашизма в СССР и подписанной псевдонимом «Старик», он, как двурушник, без ведома партии участвовавший во враждебной ВКП(б) печати, был исключен из коммунистических рядов. Дело его получило такой резонанс, что по региональным комитетам партии в 1926 г. было разослано подробное сообщение о двурушничестве Гая и следующее предупреждение: «ЦК считает необходимым сообщить эти сведения всем руководящим организациям, и особенно членам партии, работающим в печати с тем, чтобы предупредить возможность какого бы то ни было сокрытия от партии сотрудничества в частных изданиях, которые при НЭПе временно являются неизбежными...» [10, с. 114–116].

Сотрудничество с единственным разрешенным в Советской России сменовеховским журналом «Новая Россия» было для журналиста и идейной, и финансовой отдушиной. Но он не учел, что редактор журнала И.Г. Лежнев, который позволял себе смелые антибольшевистские выпады на страницах «России», печатал М. Булгакова и А. Ремизова, с какого-то момента стал агентом ОГПУ. Опасаясь разоблачения, в одном из писем к Лежневу Меньшой предупреждал его: «Зозуля пишет мне, что коммунистов жестоко преследуют за участие в частных журналах... Прошу вас вычеркнуть К. Спасского из публикуемого списка сотрудников, так как многие знают, что это мой псевдоним. Если вы хотите сохранить меня в списке, поставьте мой другой, никому не известный псевдоним В. Ярльсберг... и не говорите никому, что это Гай» [10, с. 113–118]. Письмо попало к властям и разоблало Гая, которого не только изгнали из партии, но и арестовали. Меньшой-Гай был сразу сломлен в тюрьме угрозами расстрела, подписал все обвинения в заговорщицкой работе и получил предельный по тем временам срок заключения – 10 лет в Соловецком концлагере, где, несмотря на слабое здоровье, использовался на лесозаготовках [11, с. 271–277, 345–348; 12, с. 124]. Вероятно, ему удалось добиться досрочного освобождения, но вернуться в столицу Гаю не разрешили, и он отбывал ссылку в Сибирь, работая журналистом в издательстве в Омске.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 85. Л. 134–141, 143.

Там он и был арестован 31 августа 1936 г. По обвинению в антисоветской агитации Особым совещанием при НКВД СССР 7 февраля 1937 г. Меньшой-Гай был осужден на 5 лет концлагеря и вскоре погиб в заключении. Реабилитировали его по этому делу только 14 декабря 1988 г.

Судьба пропагандиста И.Г. Лежнева была еще более авантюрной, чем Меньшого-Гая, но гораздо более удачной. Перейдя от меньшевиков к большевикам, он с 1918 г. служил в Красной Армии, сотрудничал в газетах и журналах «Вооруженный народ» (Всеобуча), «Красный офицер», «Известия ВЦИК» и др. А в 1922 г. основал сменовеховский журнал «Россия» (после скорого закрытия переименованный в «Новую Россию») и четыре года публиковал в нем весьма неортодоксальные произведения. В статье «Эмансипация Советов» он выдвинул лозунг внутреннего и постепенного завоевания Советов интеллигенцией, а в другой статье Лежнев заявил: «Независимость русской общественной мысли – старинная наша традиция. За эту традицию давайте постоим. Постоим действительно верой и правдой до конца»⁴. Лежнев был арестован 11 мая 1926 г. по обвинению в создании «антисоветской группировки» в журнале «Новая Россия» и после годичного заключения выслан за границу сроком на три года по решению Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 10 мая 1927 г.

Современные исследователи приоткрыли завесу тайны над этой политической интригой. Высылка, по мнению И. З. Белобровцевой, изучившей деятельность Лежнева в Эстонии, должна была дать отыгравшему свое в СССР агенту передышку и возможность восстановления своей репутации, неодинаковой в различных кругах [13, с. 333–335]. Арест Лежнева в 1926 г. мог носить провокационный характер, имея целью недопущение расшифровки сексота среди остальных «сменовеховцев», оказавшихся за решеткой в рамках организованного ОГПУ группового дела. А годичное содержание под стражей позволяло эффективно использовать этого общительного человека в качестве внутрикамерного агента-осведомителя. Лежнев жил в Эстонии и Германии, сотрудничал в советской прессе, а в 1933 г. получил разрешение вернуться в СССР. Он напечатал покаянные мемуары, за что был принят в партию и в 1935–1939 гг. заведовал отделом литературы и искусства в «Правде». О сотрудничестве Лежнева с ОГПУ дополнительно говорит и факт предания огласке письма к нему Меньшого (впрочем, письмо могло быть изъято и при аресте Лежнева).

Чекисты внимательно отслеживали отношение в литературных кругах к писателям, близким к власти. В июле 1926 г. руководство ОГПУ было проинформировано о распространении среди писателей и журналистов стихотворной сатиры на тогдашнего «главпоэта» Д. Бедного (не названного в чекистском сообщении при одновременной расшифровке – прямо в прилага-

емом ниже тексте – политических подтекстов, но легко угадываемого по ряду намеков). То, что адресатом ядовитого стиха являлся главный поэт власти, говорили не только фамилии высокопоставленных покровителей этого жителя Кремля (его неформальные отношения со Сталиным были хорошо известны) и указание на принадлежность к старшему поколению, но и слова о «сахарном щите», где был намек, возможно, не только на приторные комплименты большевистским порядкам, но и на диабет, которым страдал Д. Бедный.

«За последнее время по Москве среди издательских и литературных работников усиленно распространяется “Послание отцу”, приписываемое поэту Иосифу Уткину, произведение следующего содержания:

Остришь, от потуг багровея?
Но часто остроты твои
Бывают, отец, не острее,
Чем зад иоркширской свиньи.

Ты бьешь по врагу без урона,
Не блекнет твой сахарный щит,
Стальная твоя оборона /намек на т. Сталина/
Тебя от врагов защитит.

И будешь ты вечно прославлен,
Таская пустые дары
И к царским вратам Ярославля,
/намек на т. Ярославского/,
И к ханским шатрам Бухары.
/намек на т. Бухарина/

На нашем Парнасском базаре
Не первый такой Апполон.
Булгарин, блаженный Булгарин,
/намек на придворного поэта
при Алексан. [дре] I/
Ты вновь и опять повторен⁵.

В 1930-е гг. идеологический климат стал гораздо суровее, но до середины десятилетия видные партийные публицисты из рядов оппозиции постоянно намекали в статьях (а К.Б. Радек – и в анекдотах) на различные недозволенные темы. Выпады Л.Б. Каменева против «зоологических черт борьбы за власть» во вступительной статье к публикации трактата Н. Макиавелли «Государь» в 1934 г., нарочитое упоминание о методах деятельности иезуитов в одной из статей Н.И. Бухарина в «Известиях» (с его признанием младшему товарищу Владимиру Кузьмину: «Это я специально подпустил») [14, с. 76], пародийное сравнение Сталина с фельдмаршалом в бухаринской покаянной

⁵Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Ф. 2. Оп. 4. Д. 55. Л. 66. «Апполон» и именование Ф.В. Булгарина «придворным поэтом» эпохи Александра I наглядно отражают уровень присяжных комментаторов из «железных ворот ГПУ».

⁴ Советская Сибирь. 1923. 23 марта. С. 2.

речи на XVII партийном съезде, постоянные цинично-критические политические высказывания одного из ведущих правдинских журналистов М.Е. Кольцова, зафиксированные в дневнике беспартийного К.И. Чуковского [15, с. 366, 385, 438, 439, 441, 475, 531] – все это говорило о распространении двоемыслия среди лучших советских перьев даже в опаснейшие тридцатые годы.

Особенно власть была встревожена окружением Н.И. Бухарина, вокруг которого собралась целая группа антидогматической молодежи, позднее презрительно объявленная «бухаринской школкой». Эти руководящие партийные журналисты порой шли дальше своего сановного покровителя. Так, Я.Э. Стэн в апреле 1929 г. опубликовал в «Комсомольской правде» статью, где раскритиковал идеологическую трусость и слепое повиновение молодежных организаций воле партийной верхушки, что вызвало гнев Сталина [16, с. 251]. Другие его ученики могли отказываться от опального теоретика партии (как А.И. Стецкий или ставший агентом НКВД В.Н. Астров) либо критиковать Бухарина за его конформистскую позицию в 1930-е гг. (как публицист Владимир Кузьмин, который, попав в застенки, отказался от догм марксизма вообще). Если в 1932 г. он призывал коммунистов отстранить лидеров страны, доведших страну до голода, и выслать Сталина за границу⁶, то в середине 1930-х гг. в Ярославской тюрьме сочинил такой яростно-антимарксистский трактат, что его нарком внутренних дел приказал перепечатать и препроводил в начале 1937 г. лично Сталину. Вождь внимательно ознакомился со 120-страничной рукописью, отчеркнув самые резкие пассажи. Кузьмин не только разругал и Сталина с Бухариным, и всю «так называемую старую гвардию, которую он (Ленин – А.Т.) в минуты откровенности и раздражения называл “старыми дураками”»⁷. Он полностью отверг и старых богов: «Марксизм и его верный сын большевизм... по самому существу своему отвергает демократию для изложения любых точек зрения». Кузьмин восклицал: «Все более и более смешными становятся уверения марксистов, что марксизм есть “единственная, последняя, объективная истина” [17, с. 146]. Попытки марксистских попов создать “рай” на земле обнаружили его утопизм»⁸. С санкции Сталина в мае 1937 г. Кузьмина расстреляли.

В суровые 1930-е гг. к внутренней эволюции оказывались способны даже самые ортодоксальные прислужники режима. Летом 1937 г. Д. Бедный, в отчаянии от развернувшегося террора, написал для «Правды» насыщенную подтекстами небольшую поэму о жизни якобы в нацистской Германии, которую тут же расшифровали такие подозрительные читатели, как Л.З. Мехлис и И.В. Сталин. Главный редактор «Правды» Мехлис 19 июля 1937 г. написал Сталину, В.М. Молотову и Н.И. Ежову о своих сомнениях от-

носительно поэмы Бедного: «<...> И совсем странны строки заключительной части: «Родина моя, ты у распустья, Твое величие превращено в лоскутья». <...> Экземпляр этой поэмы прилагаю. Прошу указания» [18, с. 476]. Действительно, чрезвычайно двусмысленно выглядели такие, например, строки:

Фашистский рай. Какая тема!
Я прохожу среди фашистского эдема,
Где радость, солнце и цветы. <...>
А речи тайные послушать у народа –
Все получается как раз наоборот
Фашистский ад давно пора похерить!
Кому же верить?
Словечко вякнешь невпопад,
Тебе на хвост насыплют соли.
Фашистский рай – народный ад?
Так, что ли? [18, с. 478].

Известный своим цинизмом Д. Бедный совершил смелый поступок, вызвав сильный гнев самого Сталина, чье уничтожающее мнение о поэме и авторе было тут же передано стихотворцу [18, с. 477]. НКВД докладывал вождю, что поэт ведет антисоветские разговоры, критикует колхозы и аресты врагов народа. Верный себе, Сталин заставил Демьяна как следует помучиться – кара последовала год спустя. Д. Бедный решил, что остатки его авторитета первого поэта Октября позволяют ему рискнуть написать эзоповым языком протест против уничтожения революционеров. Это было смертельно опасным предприятием. Однако образ жизни Демьяна и его моральный облик были таковы [19, с. 192–230], что наказание поэта оказалось возможным без предъявления обвинений в антисоветской агитации. Репрессировать Бедного было политически невыгодно, поэтому – разумеется, по указанию Сталина – все ограничилось выбрасыванием отслужившего свое официальное стихотворца из общественной жизни за «аморалку». Возглавляемая Ежовым Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) 13 июля 1938 г. по заявлению видного публициста И. М. Гронского исключила Бедного из партии за скандалы, драки и избиение жены. На этом решении Ежов оставил резолюцию – «за»⁹. Таким образом, решение об исключении Демьяна Бедного из партии и Союза писателей формально выглядело вполне обоснованным. Только в годы войны Д. Бедному разрешили вернуться в литературу; в партии он был восстановлен посмертно.

Много и ортодоксально выступавший в печати Алексей Толстой был осторожнее, но о его проницательном понимании ситуации говорит запись в дневнике от 1930 г. с характеристикой эпохи, где появился термин «сталинизм»: «Новое устройство человеческого общества – в политическом, экономическом, социальном – сталинизм. Коллективизация – освобождение огромных запасов энергии (рабочих рук) на колонизацию севера, строительство дорог, разработку руд,

⁶ Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. ФП-9625. Т. 6. Л. 15.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 293. Л. 54–55.

⁸ Там же. Л. 53, 60.

⁹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 84. Л. 78.

угля, торфа. [Это] новая военная система» [20, с. 15]. Но в знаменитом «Золотом ключике» (1938 г.) «советский граф» позволил себе, похоже, намек на положение так называемых «социально-вредных элементов», которых в те годы репрессировали сотнями тысяч, вложив в уста полицмейстера из Страны Дураков злободневную для эпохи террора формулу обвинения: «Ты – бездомный, беспаспортный, безработный!» Таких маргиналов-изгоев «милицейские» тройки во внесудебном порядке осудили по СССР за 1935–1938 гг. около 400 тыс., карая либо лагерными сроками за отсутствие документов или прописки, либо (в 1937–1938 гг.) даже расстреливая¹⁰.

Неверие многих пропагандистов в продиктованные сверху прописи не ограничивалось известными именами, а проявлялось повсюду. На районной учительской конференции в 1932 г. бывший редактор газеты Черниговского района Дальне-Восточного края Часовитин выступил с таким стихотворением: «Но рано хвалиться, нам нечем гордиться. Пока мы темны. Учением вороги наши сильны. Страны огромной, но темной трудны пути. К социализму не дойти». О Часовитине была помещена разоблачительная статья в краевой газете¹¹.

Таким образом, в пишущей партийной и околопартийной среде, включая журналистскую элиту, преобладали не столько убежденные идейные фанатики, сколько конформисты, «колебавшиеся вместе с генеральной линией», прекрасно понимавшие, что новая реальность требует безоговорочного подчинения и внешнего согласия играть по самым строгим правилам. Среди этих людей постоянно велись острые разговоры о власти, сочинялись эпиграммы и анекдоты, а в печать отправлялось как то, что удовлетворяло требованиям господствующей идеологии, так и вещи, нередко содержавшие острые намеки. Одни газетчики были в целом верны марксистской идеологии и критиковали порядки с целью их улучшения и соответствия идеалу, другие очевидным образом ориентировались на примат личных интересов и продолжительную маскировку под ортодоксальных коммунистов, третьи находили силы отказать от самих основ большевизма. Часть из вольномыслящих журналистов долгое время сохраняла свой привилегированный статус, другие подвергались репрессиям, особенно тогда, когда прыгали к оппозиции. Характерно, что резкое ужесточение политического режима в 1930-х гг. не остановило критиков. Даже реальная опасность физической ликвидации не всегда препятствовала полету иронической мысли тех, кто был правящей партией призван всегда быть только лишь верной идеологической услугой. Таким образом, среди пропагандистов советских порядков снизу доверху, на фоне пафоса провозглашаемых догм, нередко обнаруживалось внутреннее скрытое отторжение этих догм.

¹⁰ Шкуренок Н. Страна немых // Новая газета. 2008. 30 нояб. С. 12.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-374. Оп. 27. Д. 1976. Л. 77 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011. 375 с.
2. *Киянская О., Фельдман Д.* Советская карьера акмеиста: материалы к биографии Владимира Нарбута // *Вопр. литературы*. 2015. № 1. С. 41–98.
3. *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 годов // *Вопр. истории*. 2000. № 10. С. 113–140.
4. *Krasin Lubov.* Leonid Krasin: His Life and Work. L., [1929]. 248 p.
5. «Диктатура языкочешущих над работающими»: Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // *Источник*. 1995. № 6. С. 99–116.
6. *Воронский А.* Пролазы и подхалимы // *Перевал: сборник*. М.; Л.: Круг. 1926. Сб. 4. С. 156–160.
7. *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / пер. с фр. Ю.В. Гусевой, В.А. Бабинцева. М.: Практис; Оренбург: Оренбургская книга, 2001. 696 с.
8. *Меньшой А.* О газетных кампаниях. Пенза, 1921. 48 с.
9. *Летопись жизни и творчества С.А. Есенина*. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 2: 1917–1920. / сост. А.Н. Захаров и др. 760 с.
10. *Изнатенко А.* Неизвестные страницы башкирской прессы // *Бельские просторы*. 2004. № 1. С. 113–118.
11. *Солоневич Б.* Молодежь и ГПУ. София, 1937. 464 с.
12. *Киселев-Громов Н.И.* Лагерь смерти в СССР. Великая братская могила жертв коммунистического террора. Шанхай: Книгоиздательство Н.П. Малиновского, 1936. 206 с.
13. *Богомолов Н.А.* В книжном углу–6 // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 113. С. 332–337.
14. *Тепляков А.Г.* Опричники Сталина. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 432 с.
15. *Чуковский К.И.* Собрание сочинений: в 15 т. 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. Т. 12: Дневник (1922–1935). 656 с.
16. *Сольский В.* «Снятие покровов». Воспоминания о советской литературе и Коммунистической партии в 1920-е годы. СПб.: Нестор, 2005. 191 с.
17. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 18. 1968. 526 с.
18. *Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956.* / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Л.В. Максименков. М.: МФД; Материк, 2005. 752 с.
19. *Иорданская М.К.* Новый table-talk / предисл., публ. и примеч. С. Шумихина // *Новое литературное обозрение*. 1994. № 9. С. 192–230.
20. *Перхин В.В.* Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1997. 306 с.

REFERENCES

1. *Fitzpatrick Sh.* Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Moscow: ROSSPEN, 2011, 375 s. (In Russ.)
2. *Kiiankaia O., Feldman D.* Soviet career of an acmeist: materials for the biography of Volodymyr Narbut. *Voprosy literaturey*. 2015, no. 1, pp. 41–98. (In Russ.)
3. *Veselovskii S.B.* Diaries 1915–1923, 1944. *Voprosy istorii*. 2000, no. 10, pp. 113–140.
4. *Krasin Lubov.* Leonid Krasin: His Life and Work. Leningrad, [1929], 248 p. (In Russ.)
5. «The dictatorship of talkers over the workers»: Last official note by G.V. Chicherin. *Istochnik*. 1995, no. 6, pp. 99–116. (In Russ.)
6. *Voronskiy A.* Cunning and bootlickers. *Pereval: sbornik*. Moscow; Leningrad: Krug. 1926, sb. 4, pp. 156–160. (In Russ.)
7. *Serzh V.* From the revolution to totalitarianism: memoirs of a revolutionary / transl. from French/ Iu.V. Gusevoi, V.A. Babintseva. Moscow: Praktis; Orenburg: Orenburgskaia kniga, 2001, 696 pp. (In Russ.)

8. *Menshoi A.* About newspaper campaigns. Penza, 1921, 48 p. (In Russ.)
9. A chronicle of the life and work of S.A. Yesenin. Vol. 2: 1917–1920 / sost. A.N. Zakharov i dr. Moscow: IMLI RAN, 2005, 760 p. (In Russ.)
10. *Ignatenko A.* Unknown pages of the Bashkir press. *Belskie prostory*. 2004, no. 1, pp. 113–118. (In Russ.)
11. *Solonevich B.* Youth and GPU. Sofia, 1937, 464 p. (In Russ.)
12. *Kiselev-Gromov N.I.* The death camps in the USSR. The great mass grave of victims of Communist terror. Knigoizdatelstvo N.P. Malinovskogo. Shangkhai, 1936, 206 p. (In Russ.)
13. *Bogomolov N.A.* In the book corner–6. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2012, no. 113, pp. 332–337. (In Russ.)
14. *Teplakov A.G.* The Guardsmen of Stalin. Moscow: Iauza; Eksmo, 2009, 432 p. (In Russ.)
15. *Chukovskii K.I.* Collected works in 15 vols. 2-e izd., elektronnoe, ispr. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd, 2013. Vol. 12: Diary (1922 – 1935), 656 p. (In Russ.)
16. *Solskiy V.* «Taking cover». Memories of Soviet literature and Communist party in the 1920s. Saint Petersburg: Nestor, 2005, 191 p. (In Russ.)
17. *Lenin V.I.* Complete works. 5-e izd. Vol. 18, 1968, 526 p. (In Russ.)
18. Big censorship: Writers and journalists in the Soviet Union. 1917–1956. Ed. by A.N. Iakovleva; sost. L.V. Maksimenkov. M.: MFD: Materik, 2005, 752 p. (In Russ.)
19. *Iordanskaya M.K.* New table-talk / foreword, publ. and comment. by S. Shumikhina. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1994, no. 9, pp. 192–230. (In Russ.)
20. *Perkhin V.V.* Russian literary criticism of the 1930-s: Criticism and social consciousness of the era. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1997, 306 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 18.04.2016*